

# СВЯЩЕННЫЙ КОРАН

двуязычное издание

*(переработанное)*

подготовил

МАУЛАНА МУХАММАД АЛИ

(автор перевода с арабского языка на английский,  
вступительной статьи и комментариев)

перевод на русский язык подготовил

д-р Александр Садецкий

(проф. Университета Лавалья)



АХМАДИЙА АНЖУМАН ИШААТ ИСЛАМ  
ЛАХОР ИНК. США

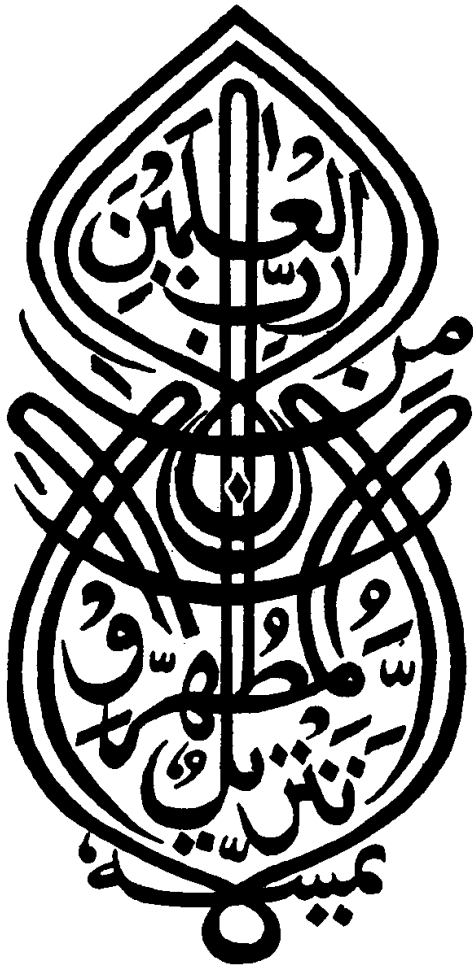
1997

Первое издание	1917
Репринтное издание	1920
Репринтное издание	1935
Второе (исправленное) издание	1935
Репринтное издание	1951
Репринтное издание	1963
Репринтное издание	1973
Репринтное издание	1985
Репринтное издание	1987
Репринтное издание	1990
Репринтное издание	1991
Репринтное издание	1992
Репринтное издание	1993
Репринтное издание	1994
Репринтное издание	1995
Репринтное издание	1996
Перевод на русский язык	1997

*Авторские права:*  
*Ахмадийа Анжуман Ишаат Ислам,*  
*Лахор, США*

ISBN# 0-913321-66-4  
Номер карточки каталога Библиотеки Конгресса

Издано в США  
АХМАДИЙА АНЖУМАН ИШААТ ИСЛАМ  
ЛАХОР ИНК. США  
1315 KINGSGATE RD  
COLUMBUS OH 432216 USA  
Телефон: 614-457-8504  
Факс: 614-457-4455  
E-mail: [aaail@aol.com](mailto:aaail@aol.com)  
web url <http://members.aol.com/aaail/main.htm>



НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ КНИГИ  
МАУЛАНЫ МУХАММАДА АЛИ

*Исламская религия*  
*Пророк Мухаммад*  
*Ранний халифат*  
*Байан ал-Куран*  
(Комментарий к Корану; на урду, в трёх томах)  
*Фадль ал-Бари*  
(Комментарий к Сахих Бухари; на урду)  
*Хадис . Учебник*  
*Ал Набувват Фил Ислам*  
(Доказательство завершения миссии пророков; на урду)  
*Сират Хайр ал-Башар*  
(Жизнь Пророка; на урду)  
*Макам-и-Хадис*  
(Важность хадисов; на урду)  
*Новый мировой порядок*  
*Живые мысли пророка Мухаммада*  
*Мусульманский молитвенник*  
*Избранные места из Священного Корана*  
*Молитвы Священного Корана*  
*Мухаммад и Христос*

*Изданы Ахмадийя Анжуман Ишаат Ислам,*  
*Лахор, США*

## **PUBLISHER'S FOREWORD**

The project for translating the Holy Quran into Russian began in 1989 when Mian Umar Farooq from Pakistan approached Sister Samina of the Ahmadiyya Anjuman Ishaat Islam U.S.A. to undertake this task.

As Russia at that time was under communist rule, and distribution and sale of religious literature was banned in the USSR, there was great concern about how the translation, when completed, would be disseminated among the Russian speaking people. It was felt that the funds for this translation could be better spent on translating the Holy Quran into some other language where access to the public was easier.

Notwithstanding these doubts, the decision to proceed with the Russian Translation was made with the encouragement and blessing of our beloved late Hazrat Ameer, Dr. Saeed Ahmad Khan Sahib. His prayers were soon answered, and Sister Samina was able to find a translator of the caliber of Dr. Alexander Sadetsky, who was Professor of Russian at the University of Montreal and McGill University. We were impressed not only with his academic credentials (Dr. Sadetsky is currently Director of Russian studies at Laval University in Quebec, Canada), but also with his sincerity and integrity. Our respect and admiration for him has only grown over the years.

This translation has been a labor of love and has been checked and revised several times. Dr. Sadetsky has been assisted in this enormous task by his talented wife and mother, Dr. Tanya Sadetsky and Dr. Aida Sadetsky respectively. After completing the translation, Dr. Sadetsky, accompanied by his mother, Dr. Aida Sadetsky, came to Columbus for a read back of the translation with Sister Samina and myself. This read back checking was conducted according to the guidelines laid down by the late Mian Naseer Ahmad Farooqui (May Allah Grant him paradise), the author of *Maariful Quran*, *Ahmadiyyat in the Service of Islam*, *Ahmadiyyat Vs. Qadianiyyat* and *Islam and Christianity*. Mian Naseer Ahmad Farooqui, whose deep and extensive knowledge and love of the Holy Book made him eminently qualified for this task, had previously done the read back checking of the Spanish, French, and German translations of the Holy Quran with the translators and checkers. May Almighty Allah Bless him and Dr. Sadetsky and his family, and Reward them for their work.

Since the translation began, momentous changes have taken place in that region: The Soviet Union has disintegrated, and Communism with its anti-religious laws,

---

which appeared as mountains obstructing the spread of the Quran, has disappeared from that part of the world. The writer of this preface is convinced that as soon as Dr. Sadetsky applied pen to paper in 1989 and translated the first verse of the Holy Quran, "In the name of Allah, the Beneficent, the Merciful", the fate of the Soviet Union, with its anti-religious practices, was sealed. "And if there could be a Quran with which the mountains were made to pass away..."(13:31).

Mian Umar Farooq and Dr. Abdullah Jan from the United States have supplied funds for the translation and checking, and the typesetting and printing costs have been borne by the U.S.A jamaat. May Almighty Allah Reward and Bless them and others who have contributed towards this "*great jihad*".

Last, but not least, I must mention the hard work and sacrifice of Sister Samina. For these long, seven years she had the difficult task of coordinating the work among the translators, checkers and the printer, not only of the Russian translation, but also of the other languages. I am a witness to the tremendous pressures and demands which were placed on her to complete the translation projects, and to her patient, tactful and gentle handling of these situations which was instrumental in the successful completion of the projects. Sister Samina has also painstakingly pasted the entire Arabic text in the Holy Quran. May Almighty Allah Bless her and Reward her. Ameen!

The guiding spirit behind all these translation projects undertaken by the U.S.A. jamaat has been our late Hazrat Ameer, Dr. Saeed Ahmad Khan Sahib (May Almighty Allah Grant him paradise). Without his prayers, encouragement, advice and inspiration, this work would not have been possible. It is because of the prayers of this extremely pious and righteous man, who had personally taken the pledge of fealty (*Bait*) at the hands of Hazrat Mirza Ghulam Ahmad, the *Mujjaddid* (reformer) of the present age and promised Messiah, and who had fulfilled all the conditions of the pledge to "Hold the cause of religion above worldly affairs", that these projects are now coming to fruition. On his death bed when his son Dr. Abdul Kareem Saeed informed him that Sister Samina had brought the completed typeset of the Russian Holy Quran, he repeatedly said "*Alhamdulillah*" (Praise be to Allah), and it is with these words that the publishers end this foreword, and pray that Almighty Allah, in His infinite Mercy, will accept the sacrifice of all those who have contributed to this mighty achievement.

"Praise Be to Allah the Lord of the worlds..."

Noman I. Malik M.D.  
for the Publishers  
Ahmadiyya Anjuman Ishaat Islam Lahore U.S.A.  
1315 Kingsgate Rd.  
Columbus, OH 43221  
December 5, 1996

## От издателя

Проект перевода Священного Корана на русский язык родился в 1989-м году, когда Миан Умар Фарук из Пакистана обратился к сестре Самине, принадлежащей к движению Ахмадия Анжуман Ишаат Ислам США, с просьбой заняться организацией соответствующей работы.

Поскольку в Советском Союзе у власти находились тогда коммунисты — так что и бесплатное распространение религиозной литературы, и продажа её были практически под запретом, — у задумавших этот труд не могли не возникнуть самые серьёзные сомнения относительно того, удастся ли, после завершения работы над переводом, обеспечить доступ к нему говорящему по-русски населению СССР. Не лучше ли было бы финансировать перевод Священного Корана на другой какой-нибудь язык, на язык страны, перед обитателями которой не стояли бы препятствия, затрудняющие доступ к Священной Книге?

Невзирая на эти колебания, решение осуществить перевод на русский язык было принято, и одобрение своё и благословение на начинание это дал д-р Саид Ахмад Хан Сахиб, любимый всеми нами Хазрат Амир, ныне покойный. Молитвы его о том, чтобы в действительность претворился план перевода, были вскоре услышаны. Сестрою Саминой был избран — в качестве того, кто должен был подготовить перевод, — д-р Александр Садецкий, преподававший в то время русский язык в Монреальском Университете и в Университете Мак Гилла. На нас глубокое впечатление произвели не только его познания (в настоящее время д-р Садецкий руководит Русскою программой в Университете Лавалья в Квебеке), но и моральные его качества. Наше уважение и симпатия к нему с годами лишь выросли.

Настоящий перевод, выполненный с любовью и усердием, проверен был не раз; в ходе работы в первоначальную его версию внесено было множество исправлений. В этой нелёгкой работе д-р Садецкий опирался на исполненную таланта помощь матери своей, д-ра Аиды Садецкой, и жены, д-ра Татьяны Садецкой. Когда работа над переводом была завершена, д-р Садецкий, вместе со своей матерью, прибыл в Коламбус, где, в присутствии как Сестры Самины, так и моём собственном, участвовал в проверке проделанной работы; эта проверка, осуществлённая методом "обратного перевода", проведена была на основании положений, разработанных ныне покойным Мианом Насиром Ахмадом Фаруки (да наградит его Аллах блаженством рая), автором работ «Маарифул Коран», «Ахмадийат на службе ислама», «Ахмадийат против кадианийата» и «Ислам и христианство». Миан Насир Ахмад Фаруки (чьё знание — глубокое и многостороннее — Священной Книги и чья любовь к ней позволили ему блистательно выполнить соответствующие задачи) сам провёл ранее, в сотрудничестве с различными переводчиками и редакторами, такого рода — построенные на принципе "обратного перевода" — проверки испанского, французского и немецкого переводов Священного Корана. Да благословит Господь Всемогущий и его, и д-ра Садецкого с семьёю, и да вознаградит Он их за их труд.

С тех пор, как началась работа над переводом, многое изменилось в той стране, для жителей которой перевод этот предназначался, — причём произошли изменения эти с поразительной быстротою; Советский Союз распался, и коммунизм, чьи антирелигиозные законы казались горами, что загораживали путь распространению Священного Корана, перестал существовать в этом краю земли. Пишущий эти строки убеждён: в тот момент, когда в 1989-м году приблизилось перо

---

переводчика к бумаге, в тот момент, когда переведён был первый стих Священного Корана, "Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного", тогда решилась окончательно и судьба Советского Союза с его официальной политикой воинствующего атеизма. "И если бы был Коран, которым бы годы сдвигались..." (13:31).

Перевод этот, редактуру его и корректуру финансировали Миан Умар Фарук и д-р Абдулла Джан из Соединённых Штатов; набор и печатание книги оплачены были джамаатом США. Да вознаградит и да благословит Аллах Всемогуший и их, и всех других, кто приняли участие в этом "великом джихаде". Особо хочу я отметить тот великий труд, который взяла на себя Сестра Самина; поистине самоотверженна была её деятельность на протяжении семи долгих лет, когда координировала она работу переводческую, редакторскую, корректорскую и типографскую (работу, связанную с подготовкой не только русского перевода, но и переводов на другие языки). Самому мне довелось видеть, сколь велико было на её плечах лежавшее бремя, сколь сложные задачи приходилось ей разрешать, дабы до конца была доведена эта работа; неистощимому её терпению, глубокому такту и той любезности, той мягкости, с которыми удавалось ей — неизменно — найти выход из непростых (и порою весьма непростых) ситуаций, обязаны мы успешным завершением всех переводческих проектов. Следует, кроме того, отметить, что при подготовке к печати двуязычных изданий Корана именно Сестра Самина выполнила наикропотливейшую задачу вклейки всего арабского текста в листы Священной Книги. Да благословит и да вознаградит её Аллах Всемогуший. Аминь!

Духовным руководителем всех переводческих проектов, осуществлённых джамаатом США, был наш Хазрат Амир, ныне покойный д-р Саид Ахмад Хан Сахиб (да наградит его Аллах Всемогуший блаженством рая). Без его молитв, его поддержки, ободрения, советов, без вдохновения его эта работа не смогла бы осуществиться. Благодаря молениям, что возносил этот глубоко благочестивый и праведный человек — присягну на верность (*байт*) принесший некогда самому Мирзе Гуламу Ахмаду, *Муджаддиду* (реформатору) нашего времени и обещанному Мессии, — человек, ни в чём ни разу не отступивший от клятвы своей "дело религии выше всякой мирской заботы", переводческие проекты теперь находятся на стадии претворения в жизнь; многолетняя работа стала приносить плоды. Когда, находясь на смертном одре, он узнал от сына своего, д-ра Абдула Карима Саида, что Сестра Самина привезла гранки полного русского перевода Священного Корана, несколько раз повторил он: "Алхамдуллилах" ("Хвала Аллаху!") — и этими же словами окончим мы теперь предисловие от издателей, вознеся мольбу, дабы Аллах Всемогуший, в бесконечном Милосердии Своём, принял от всех тех, кто участвовали в подготовке настоящего труда, их жертву.

"Хвала Аллаху, Господу миров..."

Номан И. Малик, д-р медицины,  
от имени издателей;  
Ахмадия Анжуман Ишаат Ислам Лахор США  
1315 Кингсгейт Роуд,  
Коламбус, Охайо, 43221  
5 декабря 1996 г.



## **FOREWORD TO THE RUSSIAN TRANSLATION**

The Holy Quran, translated into English by Maulana Muhammad Ali, one of the most prominent researchers of Islam belonging to the Ahmadiyyah movement, is well known throughout the world. The fame of this particular translation and its commentary has crossed the boundaries of the English speaking world. People living on different continents and belonging to different cultures and religious traditions can now get acquainted with Maulana Muhammad Ali's understanding of the Holy Quran in some of the most widespread languages, such as Spanish, French, German and Chinese. I am delighted that I had an opportunity to participate in this project, delighted that the translation of the Holy Quran, rendered by Maulana Muhammad Ali which is penetrated by a spirit of tolerance and rationality and directed to the people of different times and cultures while appealing to the most basic and profound qualities of the human nature, shall now resound in its Russian version.

In our epoch, as the authoritarian discourse and the violence it incurs try to silence dialogue – such as was the case many centuries ago – and try to picture as fruitless and unnecessary any attempt to understand the other, the interpretation of the Holy Quran given by Maulana Muhammad Ali is extremely relevant. This interpretation found its expression in his translation and in the commentary, as well as in the vast introduction which constitutes research on the most important aspects of Islam and the analysis of the Holy Quran, simultaneously from a historical perspective and from the point of view of our epoch.

The Russian translation tries to preserve the specificity of the original, where modern English is used to convey (and, in the commentary, to explain) Arabic words pronounced centuries ago. This is why the Russian version constantly oscillates between literal exactitude and fidelity to modern usage. It is with pressing concern not to betray the original, neither in sense nor letter (while translating the verses of the Holy Quran and Maulana Muhammad Ali's commentary, as well as numerous sources quoted therein), that we oriented our translation.

I wish to emphasize that this Russian translation of the Holy Quran would have been impossible without the help of an important number of Russian specialists in the fields of philosophy and history of Islam, researchers of the dialogue between Muslim and Russian cultures, scientists who have been investigating the previous Russian translations of the Holy Quran and comparing their distinctive features,

and theorists and practitioners of translation from oriental languages and from English. I would like to express my gratitude for their worthy advice and the generosity which permeated their answers to my questions.

I am particularly grateful towards Sister Samina and Dr. Noman Malik, members of the Lahore Ahmadiyyah movement, whose extensive knowledge, constant readiness to help (sometimes in the most unusual situations), open-mindedness, kindness, extreme patience, altruism and self-sacrifice have become for me the very symbol of the noble mission of the human being, a mission understood according to the thought of the outstanding Muslim scholar whose English words I have translated into Russian. Their devotion to their work is unconditional; their understanding of its importance is at the source of all their actions. I am honoured to have been given the chance to work with such people.

Alexander Sadetsky  
Translator

## Предисловие к русскому переводу

Священный Коран в переводе на английский язык, выполненном Мауланой Мухаммадом Али, одним из знаменитейших исследователей ислама, принадлежавшим к движению Ахмадия, известен весьма широко. Слава этого перевода и комментариев к нему (также созданных Мауланой Мухаммадом Али) перешагнула границы англоязычного мира. Люди, живущие на разных континентах и принадлежащие к разным культурным и религиозным традициям, могут теперь познакомиться на языках, относящихся к самым распространённым (таким, как испанский, французский, немецкий и китайский), с тем, как понимал Священный Коран Маулана Мухаммад Али.

Большую радость было для меня то, что довелось мне принять участие в деле изложения идей выдающегося мусульманского мыслителя на моём родном языке; возможность познакомиться со Священным Кораном в толковании Мауланой Мухаммада Али, толковании, проникнутом духом терпимости и разума и обращённом к людям разных эпох и рас, обращённом к свойствам, что объединяют род человеческий, такая возможность открывается теперь перед теми, кто говорит по-русски, — и мне приятно, что моя работа могла способствовать этому.

В наши дни, когда авторитарное слово и неразрывно связанное с ним насилие вновь пытаются заглушить диалог — как было это много веков назад — и бессмысленно и ненужно стремятся представить всякую попытку понять другого, толкование Священного Корана, принадлежащее перу Мауланой Мухаммада Али, кажется поразительно современным и насущно необходимым. Толкование это нашло воплощение своё не только в переводе и в комментарии, но и в обширном «Введении» к книге, представляющем собой исследование наиболее важных аспектов ислама и глубокий анализ Священного Корана (в перспективе как исторической, так и той, что наиболее существенной представляется для нашего времени).

В русском переводе мы пытались сохранить всю специфику оригинала, в котором английский язык использован для того, чтобы передать (и — в комментарии — чтобы объяснить) арабские слова, произнесённые столетия назад. Именно поэтому постоянно колеблется русская версия меж полюсами буквальной точности и современной языковой нормы. Стремление не отступить не только от духа, но и от буквы оригинала, определило основную ориентацию нашего перевода — и в том, что относится к стихам самого Священного Корана, и в касающемся как комментария Мауланой Мухаммада Али, так и многочисленных цитируемых им источников.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что перевод этот Священного Корана на русский язык сделался возможен лишь благодаря содействию многих российских специалистов в области философии и истории ислама, исследователей, изучавших диалог русской культуры с культурами мусульманских народов, учёных, занимавшихся как сопоставлением сделанных ранее переводов Священного Корана на русский с оригиналом, так и сравнением переводов этих друг с другом, а также теоретиков и практиков перевода с восточных языков и с английского. Я хотел бы выразить здесь благодарность всем, кто способствовал работе над этим переводом; помощь их была поистине бесценна.

Особо должен я поблагодарить госпожу Самину Сахукхан и доктора Номана Малика, членов лахорского движения Ахмадия; обширные знания их, постоянная

готовность прийти на помощь (порой в обстоятельствах самых неожиданных), их открытость, доброта, бесконечное терпение, повседневный альтруизм и граничащая с подлинной жертвенностью самоотверженность стали для меня истинным символом благородного назначения человека, назначения, понимаемого так, как понимал его выдающийся мусульманский мыслитель, чьи слова переводил я с английского на русский. Преданность госпожи Сахукхан и доктора Малика труду своему безгранична; в основе всех их деяний лежит глубокое понимание предельной важности его. Большой честью была для меня возможность работать с такими людьми.

А. Садецкий,  
переводчик

## ПРЕДИСЛОВИЕ

### к английскому изданию 1990-го года

Комментированный перевод Священного Корана на английский язык, созданный Мауланой Мухаммадом Али, скончавшимся в 1951-м году, пользовался огромным успехом повсюду в мире — с самого момента появления своего, т.е. с 1917-го года. Классическим произведением религиозной литературы признан этот труд повсеместно. Работа Мауланы Мухаммада Али — первый перевод Священного Корана на английский язык, осуществлённый мусульманином и получивший широкое распространение; издан перевод был в Англии, и это послужило одною из причин того, что сделавшись он легко доступным западному читателю. Немаловажно отметить тут следующее обстоятельство: публикация перевода осуществилась в период, когда чудовищно искажённый, отталкивающий образ ислама был, казалось, определяющим — и порождал он повсеместно враждебное отношение к этой религии.

Перевод этот и комметарий являются не только первыми в своём роде; они и во многих иных отношениях должны быть охарактеризованы как исключительные, равных себе не имеющие. Отметим, в первую очередь, что в этом переводе и комментариях вера исповедующих ислам представлена в изначальной своей чистоте, но отнюдь не сквозь призму поздних интерпретаций. Подобный подход позволяет избавиться — со всей ответственностью и определённой — от глубоко укоренившихся и широко распространившихся заблуждений относительно того, чему учит ислам; это даёт возможность понять ислам как религию, исполненную мира и терпимости, как веру, основанную на стремлении к убеждению, но не принуждению. Ислам в таком осмыслении предстаёт вероучением, в котором важны не одни лишь внешние формы; внутренняя, духовная природа ислама открывается тому, кто читает Священный Коран в переводе и с комментариями Мауланы Мухаммада Али. Кроме того, трудно переоценить значение этого издания и с точки зрения роли, которую сыграло оно в деле привлечения к исламу немусульман. Существенные функции выполнила работа Мауланы Мухаммада Али и в том, что относится к делу спасения исповедующих ислам от чувства разочарования и от сомнений. Об этом свидетельствует великое множество восторженных отзывов, неумолчный хор похвал труду Мауланы Мухаммада Али.

Влияние, успех и популярность этой работы оказались столь ошеломляюще велики, что приняты были меры для того, чтобы известность этого труда вышла за пределы англоязычного мира. Недавно движение Ахмадийа Анжуман Ишаат Аслам Лахор энергично взялось за выполнение этой задачи; в настоящее время ведётся непрерывная работа для того, чтобы подготовленный Мауланой Мухаммадом Али том был опубликован на многих ещё языках, чтобы доступен роду людскому стал он во всех концах света.

Для издания 1990-го года работа Мауланы Мухаммада Али была набрана заново; улучшено было общее оформление её, в результате чего внешний облик книги весьма выиграл. В издании 1990-го года была использована новая система нумерации подстрочных примечаний, что придало труду Мауланы Мухаммада Али облик более чёткий, а также упростило для читателя процесс отыскания интересующей его сноски. Для того, что внести эти изменения, понадобилось пересмотреть все без исключения встречающиеся в тексте отсылки к различным подстрочным примечаниям. С подробным представлением особенностей системы отсылок читатель может ознакомиться в разделе «Список источников и условные сокращения».

---

Ниже приводятся фрагменты из «Предисловия» к появившемуся в 1963-м году изданию этой работы; написано «Предисловие» было Мауланой Мухаммадом Якубом Ханом. В этих фрагментах речь ведётся, прежде всего, о великой службе, которую сослужил исламу Маулана Мухаммад Али, и о том, сколь беспредельна была его преданность делу Святого Корана.

ИЗДАТЕЛИ

*Из «Предисловия» к изданию 1963-го года.*

Перевод, сделанный Мауланой Мухаммадом Али, представляет собой — в истории понимания ислама — явление поистине эпохальное. Благодаря этому переводу прекратилось то угасание веры в сердцах мусульманской интеллигенции, которое было результатом влияния как западного материализма, так и тех скептических тенденций, что столь значительную роль играют в философской мысли Запада. Весьма типичной реакцией мусульманского сознания на труд Мауланы Мухаммада Али является та, что описана им во вступительной статье, где приводится откровенный рассказ знаменитого мыслителя, рассказ интеллектуала, всей душой преданного исламу, о том, как удалось ему выбраться из дебрей атеизма лишь благодаря сделанному Мауланой Мухаммадом Али переводу.

Что же касается изучения ислама специалистами Запада, то эффект, произведённый появлением перевода Мауланы Мухаммада Али, сказался, прежде всего, в изменении как общей перспективы, в которой представлялось раньше мусульманство, так и того тона, который доминировал ранее в литературе, посвящённой исламу. Первыми признаками этого изменения общего характера оказались те, что нашли себе место в произведениях Х. Г. Уэллса, автора, чья репутация в научном мире столь высока, что в особых комментариях не нуждается. Появившаяся в 1920-м году его работа «Очерк истории» включает в себя целиком раздел 16-й главы третьей Священного Корана, приводимый в настоящем переводе, причём характеризуется автором этот фрагмент как пример коранических «величественных речений, цитируемых в недавно появившемся ортодоксальном переводе, сделанном Маулви Мухаммадом Али».

Конечно, передача слова Господнего требует великой образованности и высокого исследовательского таланта — но дело не в них одних: никакое образование не может заменить дара внутренней чистоты и не способно наделить этим даром. Перевод, сделанный Мауланой Мухаммадом Али, записан пером учёного, которым водила рука святого, и потому перевод этот сделан подлинной силой духовною, стал путеводным лучом для тех, кто стремится к истине. По самому складу ума своего был Маулана Мухаммад Али человеком глубоко религиозным. Получив университетское образование, сделавшись обладателем трёх научных степеней, понимая, что открывается перед ним блестящая карьера чисто светского характера, предпочёл он посвятить свою жизнь служению исламу. И сколь поразительно было служение это! В 1900-м году, когда было ему лишь за двадцать, взялся он за перо, дабы служить им делу ислама, — и с тех пор не выпускал его, трудясь непрестанно, безустанно и преданно на протяжении полувека, пока не вырвала это перо из рук его сама смерть.

Семь долгих лет — с 1909-го по 1916-ый — длилась работа его над подготовкой той редакции перевода Корана на английский язык, что опубликована была в первом издании. Поистине, трудно представить себе, сколько труда положено было — день за днём, в одиночку, в течение целого семилетия — на то, чтобы определить, что, на деле, означает всякое слово и всякий стих Священной Книги, чтобы осознать истинный смысл глав её и разделов, чтобы связать смысл этот со смыслом поведанного выше и того, что воспоследует, — дабы ясным сделалось, как развивается та единая тема, что, в движении безостановочном, пронизывает текст всего Корана. Но именно эта работа (работа кропотливая, напряжённая — и глубоко самостоятельная) была причиной того, что истинным благодеянием стал появившийся в печати в 1917-м году перевод Мауланы Мухаммада Али для исследователей как Запада, так и Востока. Творением первооткрывателя был этот перевод, новые пути указывал он — и по ним устремлялись, всё вновь и вновь, те мусульмане, кто впоследствии принимались переводить Коран. На любую критику, предметом которой делался Коран, способен ответить этот перевод. «Введение» к нему представляет собой подлинную сокровищницу знаний; исследователь,

открывший перед читателем двери её, помогает ему понять все наиболее важные аспекты религии поистине Божественной. Автор перевода и «Введения» предельно далёк в работе своей как от ориентации на мелочность педантизма, так и от стремления к поэтическому украшательству; не склонен он и к тому, чтобы механически уступать предрешённости общераспространённых мнений, свободен труд его и от поиска дешёвой популярности. Истинною целью содеянного им, целью этой скрупулёзно честной, абсолютно точной передачи Божественного Слова, является лишь бесконечно преданное служение самому этому Слову.

На склоне лет своих, после того, как перевод его издан уже был трижды, Маулана Мухаммад Али, которому было тогда за семьдесят, почувствовал, что долгом его, долгом перед всем миром, является подготовка книги, где воплотилось бы то понимание истин Корана, глубин которого достиг он благодаря непрестанному изучению Священного писания мусульман и благодаря мудрости, приходящей лишь с годами. И вот, вновь погрузился он в работу, взвалив на плечи свои нелёгкий труд подготовки нового — исправленного — издания. Ещё пять лет отняла у него эта работа (1946-1951). Выполняя её, поистине, забыл он, что был к тому времени уже далеко не молод. Слишком велико было напряжение; и потому гранки новой книги пришлось ему читать на ложе болезни — ставшем, в конце концов, смертным ложем его.

Биографы его рассказывают, что, "когда приходили гранки из Англии, Маулана подымал голову с постели и дрожащей рукою своей принимался вносить исправления в них и изменения делать для окончательной версии". Последние гранки исправлены были 8-го октября 1951-го года, а через пять всего лишь дней прервалось дыхание его. Так, служа беззаветно Корану, встретил он свой конец.

Битва за мысли и убеждения людей, битва за сознание их описана в Коране как высший *джихад*. И в борьбе за дело Корана Маулана Мухаммад Али был, вне всякого сомнения, величайшим *муджахидом* (то есть участником *джихада*) своего времени.

## ПРЕДИСЛОВИЕ к переработанному изданию

Потребность в появлении переработанного издания моего перевода Священного Корана и комментариев к нему ощущалась уже ко времени окончания Второй Мировой войны. Столь стремительные перемены произошли повсюду с тех пор, как в 1909-ом году я впервые принялся за эту работу, что для меня самого необходимость подготовки нового издания стала совершенно несомненной. Впрочем, не только это изменение ситуации было причиной переработки: с момента появления первого издания моё собственное знание Священной Книги возросло в значительной степени, поскольку исследовательскую свою деятельность в этой области продолжал я денно и нощно, изучая Священный Коран, хадисы и другие произведения религиозной литературы ислама. В течение тридцати трёх лет, которые отделяют первое издание, появившееся в 1917-ом году, от нынешнего, немалый вклад удалось мне внести в исламскую религиозную литературу как на английском языке, так и на языке урду. После окончания английского перевода, мною был составлен объёмистый комментарий на урду, «*Байан ал-Куран*», изданный в трёх томах; эта работа заняла у меня семь лет. В комментарии свыше двух с половиною тысяч страниц, и обладает он значительно большей объяснительной ценностью, чем примечания к английскому переводу. В те же годы я подготовил на урду описание жизни Святого Пророка; впоследствии оно было переведено на английский и опубликовано под названием «Пророк Мухаммад». Чуть позже была выпущена — как на урду, так и на английском — история раннего халифата. Сокращённое издание английского перевода Священного Корана (без арабского текста и с более сжатыми примечаниями) было опубликовано к 1928-му году. Затем пришел черёд перевода на урду «*Сахих Бухари*», известного собрания хадисов, и комментарий к нему. Ещё одна большая работа на английском была издана в 1936-ом году; это книга «Исламская религия», в которой содержится необходимая информация относительно почти всех вопросов как исламского учения, так и практики отправления мусульманами культа. Яркий свет проливает этот труд на проблемы современного ислама. «Новый мировой порядок», «Хадис. Учебник» и «Живые мысли пророка Мухаммада» — работы, созданные после 1940-го года. Значительная исследовательская работа, которую мне пришлось проделать при подготовке этих трудов, привела меня, как я ощутил, к более высокой степени просветления; и я счел себя обязанным познакомить тех, кто читают по-английски (а число их, в разных краях света, весьма велико), с пониманием Священного Корана более глубоким, чем отраженное в книге, подготовленной мною, когда я был моложе. Я приступил к переработке перевода Священного Корана и комментария к нему где-то к концу 1946-го года, но год 1947-ой оказался переломным в судьбе Индо-Пакистанского субконтинента; двадцать девятого августа 1947-го года мне самому пришлось, ради спасения жизни, бежать из Далхаузи, где обычно трудился я в летние месяцы. Литературная работа, которой я там занимался, сильно из-за этого пострадала, но позже я взялся за неё вновь — уже в Кетта, где провёл лето 1948-го года. Впрочем, мне не сразу удалось существенно продвинуться вперед, поскольку серьезное заболевание заставило меня отказаться от работы более чем на шесть месяцев. Труд над рукописью был завершён к середине 50-го года, но тут мне вновь пришлось перенести тяжелую болезнь: это случилось в Карачи, где продолжал я мою деятельность. Однако, Господь, по милости своей, сохранил мне жизнь, дабы мог я увидеть свой труд напечатанным, дабы мог хоть чем-то ещё продолжить служение делу Истины. Пусть и прикован я даже теперь к одру болезни — достаёт у меня, тем не менее, сил на просмотр гранок и на внесение исправлений во Введение.



---

Прежде чем приступить к характеристике тех изменений, которые отличают пересмотренное издание от предыдущего, я хотел бы процитировать несколько абзацев из прежнего предисловия; в них речь идет об основных специфических чертах данного перевода:

«В том, чтобы пространно говорить о переводе, необходимости нет. Ни у кого не может вызвать сомнения, что нужда в переводе (снабжённом полными пояснительными примечаниями) Священной Книги ислама, вышедшем из-под пера мусульманина, остро ощущается — несмотря на существование переводов других. Лишь время покажет, отвечает ли этой потребности данный перевод. Могу только заметить, что я старался быть ближе к арабскому тексту, чем авторы всех иных переводов на английский. Читатель обратит внимание на то, что я почти не добавлял от себя слов, разъясняющих смысл оригинала, а там, где пришлось на это пойти (подобных случаев весьма немного), такие слова приводятся в скобках. Если приходилось мне почему-либо отказываться от перевода основного, первичного значения какого-нибудь слова, то причину я неизменно указывал в соответствующей сноске, широко цитируя при этом источники.

Кое в чём данный перевод не совсем привычен. Он приводится наряду с арабским текстом, причем текст оригинала и текст перевода расположены в виде двух друг против друга находящихся столбцов. В обоих текстах каждый стих начинается с новой строчки; все стихи, для удобства ссылок, пронумерованы. В сносках (последовательность которых организована по принципу сквозной нумерации) даются необходимые разъяснения и, как правило, либо цитируются авторитетные источники, либо выдвигаются аргументы в пользу высказанного мнения. Все это сделало мою работу чрезвычайно кропотливой, но я пошел на такой труд для того, чтобы получившееся в итоге произведение отвечало бы запросам тех читателей-неспециалистов, которые, в ином случае, были бы склонны со скептицизмом отнестись к непривычным для них утверждениям. Для того, чтобы избежать повторений в сносках, я делал ссылки там, где повторения были необходимы, но, должен сознаться, исчерпывающими эти ссылки ни в коей мере не являются. Если значение какого-либо слова разъясняется где-то в тексте, приводить в дальнейшем такое же разъяснение мне представлялось, за редким исключением, излишним. Впрочем, для того, чтобы облегчить труд читателя, я включил в книгу список арабских слов с соответствующими объяснениями, так что при необходимости всякий может им в любой момент воспользоваться.

Наряду с подстрочными примечаниями, каждая глава снабжена, в самом начале, пространным введением. В этих вводных заметках приводится краткое содержание всех разделов, составляющих ту или иную главу, а также намечается связь между разделами, равно как и между различными главами. Эта особенность нашего перевода совершенно нова; она сможет, надеюсь, помочь преодолеть представление (сейчас весьма распространенное), согласно которому композиция стихов и глав Священного Корана лишена какой бы то ни было упорядоченности. Вне всякого сомнения, темы, которых касается Коран, не являются там объектами строгой классификации и не рассматриваются по отдельности — каждая в своем разделе и в своей главе. Причина заключается в том, что Священный Коран не есть просто какой-либо свод законов; предназначение его заключается, в первую очередь, в том, чтобы служить духовному и нравственному развитию человека. Поэтому главная тема его — мощь, величие, великолепие и слава Господни, тогда как основные принципы законов общества, возведённые в нем, служат той же цели: они должны способствовать нравственному и духовному совершенствованию рода людского. Тем не менее, наличие некоего структурного единства Корана станет очевидным даже при самом поверхностном чтении вводных заметок к главам его. Откроется и красота узора, в котором сплелись откровения, дарованные в Мекке и ниспосланные в Медине; показана будет и связь меж главами, что относятся к одному времени и посвящены одному предмету. Во вводных заметках отмечено также, в Мекке или в Медине дарована была в откровении та или иная глава, указан там и период, когда стихи её, по всей вероятности, были ниспосланы. Что же касается точной датировки глав или установления того порядка, в котором были они в откровении явлены, то здесь мы вступаем в область, где всё зачастую строится лишь на предположениях и догадках, так что от попытки справиться с неразрешимыми этими задачами я отказался.

Ссылки на упоминаемые источники разъясняются в списке сокращений. Что касается авторов тех толкований, которые были использованы мной, то здесь я

хотел бы, в первую очередь, отметить создателей чрезвычайно полезного для моей работы объемистого комментария Ибн Джарира, Имама Фахр ал-Дин Рази и Имама Атира ал-Дин Абу Хайана, а также Ибн Касира, составителя более кратких, но никак не менее ценных комментариев «*Замахшари*», «*Байдави*» и «*Джами ал-Байан*». Относительно же лексиконов следует указать, что я широко пользовался такими большими нормативными работами, как «*Тадж ал-Арус* и «*Лисан ал-Араб*», но особо отмечу ту колоссальную помощь, которую оказал мне труд меньшего объема, созданный Имамом Рагхибом Исфাহани, известный под названием «*Муффрадат фи Гхариб ал-Куран*»; эта работа, несомненно, занимает первое место среди нормативных произведений по арабской лексикологии — во всем, что касается Корана. Ценные словари хадисов, «*Нихайах*» Ибн Асира и «*Маджма ал-Бихар*», оказались также весьма полезными при объяснении многих сложных случаев. Следует, тем не менее, отметить, что чаще я пользовался «Арабско-английским словарем» Лейна, книгой, значение которой трудно переоценить для носителя английского языка, изучающего арабский. Обращение к этой работе было продиктовано желанием предоставить читателю настоящего тома возможность навести справку в издании, получившем самое широкое распространение. Прискорбно, что талантливый автор словаря не успел завершить свой труд; Лейн оказал человечеству величайшую услугу — но, к сожалению, довести свою работу он успел лишь до буквы *фа*. Наряду с комментариями и словарями, в процессе исследования мне неоднократно приходилось обращаться к сочинениям исторического характера и иным произведениям. Из собраний хадисов укажу особо «*Бухари*, *Китах ал-Тафсир*», т.е. главу о комментариях к Священному Корану, которая лежала передо мной открытою на протяжении всей работы; должен был я пользоваться и полным текстом «*Бухари*», равно как и другими заслуживающими доверия сборниками хадисов. Отмечу, наконец, следующее: человеком, вдохновившим меня на создание всего лучшего, что есть в этой книге, был Мирза Гулям Ахмад из Кадияна, истинный муджаддид нашего времени, тот, кто основал движение *Ахмадийа*. Припав к источнику знания, забившему благодаря этому великому реформатору, я пил из самых глубин. Есть еще одно имя, которое должен я здесь назвать, — это имя покойного ныне Маулави Хакима Нур аль-Дина; во время долгой болезни своей, болезни, что была смертельной, терпеливо просмотрел он большую часть пояснительных примечаний и внес много предложений значительной ценности. Ему, поистине, обязан мусульманский мир быть глубоко благодарным, ибо стоял он во главе нового направления в области толкования Священного Корана. Свершив свой труд, он тихо отошел в мир иной, но заслуги всей его жизни, жизни, отданной изучению Корана, обязывают нас чтить память этого человека, бывшего одним из величайших комментаторов Священной Книги.

При толковании Священного Корана я постоянно руководствовался следующим основным принципом: всякое слово Священной Книги должно интерпретироваться так, чтобы эта интерпретация не противоречила его значению, являющемуся совершенно бесспорным в тех речениях Священного Корана, которые представляются однозначно ясными. Внимание читателя на этот принцип непосредственно обращает само Священное Слово в стихе 7-ом главы 3-ей (см. примечание 387). Правило это лежит в основе моего толкования Корана, и надежность такой основы сомнений не вызывает: ведь в тексте Корана метафоры, иносказания и аллегории соседствуют с поучениями, смысл которых очевиден. Деяния (*суннат*) и высказывания Святого Пророка, описания коих заслуживают доверия, суть лучшие комментарии к Священному Слову, и потому в работе своей я уделял им значение первостепенное. Учитывал я и точки зрения других интерпретаторов — впрочем, отвергая, конечно, сообщения и толкования, самому Корану противоречащие. Я также постоянно руководствовался правилом, согласно которому избираемое значение слова должно, прежде всего, соответствовать контексту, и единственным другим условием, признаваемым мною, была необходимость допущения лексиконами или произведениями арабской литературы употребления этого слова в таком смысле. Существующие переводы были для меня серьезным подспорьем, но я избирал то или иное толкование, лишь если оно полностью удовлетворяло меня и только после изучения соответствующих источников в оригинале. Многие рассказы, которые принимаются большинством комментаторов, в моем комментарии отражения не нашли; исключениями являются те, что подтверждаются историческими данными, и те, в пользу истинности которых свидетельствует какое-либо из речений, чья принадлежность Святому Пророку сомнений не вызывает. Немалая часть этих рассказов, полагаю, попала в

исламскую литературу в связи с обращением в мусульманство тех, кто раньше исповедовали иудаизм или христианство. Я должен добавить, что характерная для современных мусульманских теологов тенденция считать средневековые комментарии последним словом в толковании Священного Корана просто губительна; она закрывает путь к великим сокровищам знания, которые сулит прочтение Священной Книги в новом свете. Изучение трудов тех комментаторов, что работали в старину (а пренебречь великим их трудом было бы попросту греховно), показывает, кроме всего прочего, насколько свободно толковали они Священную Книгу. Великая служба, которую сослужили они делу Истины, была бы сведена на нет и пропала бы для мира втуне, если бы видели они в своих предшественниках тех, кому заведомо принадлежит последнее слово, — а именно такое видение характерно для большинства богословов в наши дни.»

Отрадно мне знать, что те мусульмане, которые переводили Священный Коран позже, чем я, приняли и использовали в своей работе многие из специфических черт моего перевода, охарактеризованных выше. Особым успехом пользуется у них мысль предварять каждую главу вводными замечаниями, где приводится краткое её содержание и характеризуется связь с главами предшествующими. Даже в области толкования текста многие из предложенных мною точек зрения были приняты с одобрением. Любопытным, в этом плане, представляется следующий текст (мы цитируем его по июльскому номеру выпускаемого преподобным Звемером ежеквартального издания “The Moslem World” за 1931-ый год):

«Тщательное сравнение перевода, сделанного м-ром Пиктолом, с переводом Маулви Мухаммада Али, принадлежащего к движению Ахмадийа, позволяет, без всяких сомнений, утверждать, что труд м-ра Пиктолла является не более, чем переработкой версии Ахмадийа» (стр. 289).

«Мы провели скрупулёзное исследование сорока, примерно, стихов из второй главы, шестидесяти стихов из третьей главы, сорока стихов из девятнадцатой главы, равно как и пятнадцати последних глав целиком. Перевод м-ра Пиктолла был сопоставлен с теми, что были сделаны Сэйлом, Родуэллом, Палмером и Мухаммадом Али, а также с арабским текстом оригинала. В результате этого детального анализа мы пришли к убеждению, что вся та часть перевода м-ра Пиктолла, которая была исследована нами, чрезвычайно близка к варианту Мухаммада Али. Разница между двумя версиями очень часто относится исключительно к области словесного выражения» (стр. 290).

«Если теперь сравнить приведенный выше фрагмент (3:58-64) с переводами С., Р., и П., мы убедимся, что г-н Пиктолл значительно ближе к М.А., нежели к кому бы то ни было из трех этих переводчиков. Так что, несмотря на впечатление, что порою он то заимствует слово у Р., то подражает П., основным источником для него, без всякого сомнения, является версия М.А.» (стр. 292).

«Ряд сносок также свидетельствуют о зависимости работы м-ра Пиктолла от книги, подготовленной М.А. Те, кто сравнят сноски в этой работе и в изданном в 1920-ом г. труде М.А., содержащем его комментарии, убедятся, что в главе второй с начала и до конца почти все сноски основаны на комментарии Ахмадийа» (стр. 293).

«Мы полагаем, что теперь читателю ясно, насколько обязан м-р Пиктолл как примечаниям Маулви Мухаммада Али, так и переводу его как таковому» (стр. 293).

«Сравнивая эти два фрагмента с переводом м-ра Сарвара, приведённым на 133-ей странице предыдущего номера нашего журнала, трудно не заметить, что оба — и м-р Сарвар, и м-р Пиктолл — явно подражают М.А.» (стр. 294).

«Во фрагментах, тщательно изученных нами, т.е. в стихах начала второй, третьей и девятнадцатой сур, равно как и в последних пятнадцати сурах, перевод Пиктолла настолько близок работе М.А., что

---

немногое лишь свидетельствует о работе, проделанной самостоятельно» (стр. 297).

Сходная точка зрения высказывалась и другими. Так, автор исследования «Ислам в его истинном свете» называет мой перевод «путеводной звездой для работ этого рода, что будут созданы мусульманами» (стр. 69) и упоминает как м-ра Сарвара, так и м-ра Пиктолла в качестве тех, чьи произведения являются подражаниями моему переводу. Найти причину этому легко. В сделанное мною я вложил много труда. Каждая передача смысла, любое объяснение основаны на изучении мною собраний хадисов, лексикологических исследований, комментариев и других серьезных работ; всякое мнение, которое я высказывал, подкреплено ссылками на авторитетные источники. Конечно, разногласия, как существовали они раньше, так будут они существовать и в дальнейшем, но там, где моё мнение не совпадало с мнениями других, я обосновывал свою точку зрения с помощью обращения к трудам, пользующимся всеобщим признанием. Более того, принцип, которого я придерживался в моей работе как над переводом, так и над комментарием, т.е. стремление объяснить сложные, неоднозначные случаи через особенности словоупотребления характерные, прежде всего, для текста самой Священной Книги, не давал мне удалиться от истины, так что те, кто будут внимательно изучать Коран, лишь изредко смогут не согласиться со мной. Цитированную выше статью, опубликованную в “The Moslem World”, автор-христианин оканчивает следующими словами:

«Чем больше углубляешься в чтение перевода или примечаний Маули Мухаммада Али, тем сильнее убеждаешься в том, что за свой труд взялся он уже будучи широко начитанным в арабских источниках, список которых приводится на странице IX; ссылки на эти источники часто встречаются в комментариях. В то же время, цитаты из словаря Лейна свидетельствуют о том, что не пренебрегал он и результатами, полученными европейскими исследователями-гуманитариями» (стр. 303).

Автор далее добавляет:

«Жаль, что его работа столь насыщена своеобразными доктринами секты *Ахмадийя* и столь резко отрицает учение христиан; результаты, которых удастся ему добиться благодаря познаниям своим в области гуманитарных наук Востока, весьма серьезно от этого страдают».

Использование мною достижений европейской гуманитарной мысли, отмечу здесь, отнюдь не сводится к тому, что я спорадически прибегал к помощи словаря Лейна. На протяжении целых девяти лет, предшествовавших началу моей работы над переводом, во всех аспектах изучал я европейскую критику ислама, изучал также и христианство, равно как и общие проблемы религии. Мне особо пришлось заниматься этими вопросами в “The Review of Religions”, журнале, первым редактором которого я был. Именно тогда мне довелось ознакомиться не только с серьёзными произведениями религиозной критики, созданными крупными мыслителями, но и с критикой, я бы сказал, значительно более ограниченной, критикой ислама со стороны христианских миссионеров; им не удалось осознать всей глобальности тех принципов, на которых основан ислам и на которых зиждется межнациональная природа вероучения его, не удалось узреть того уникального преобразования, причиной которого ислам явился. Что же касается сказанного относительно доктрин секты *Ахмадийя*, то всё это есть не что иное, как лживая пропаганда. Едина вера ислама, едины и все секты ислама — в том, что относится к основным постулатам этой религии. Существуют некоторые расхождения в области интерпретации, но все они относятся к вопросам малозначительным и второстепенным. Обозреватель-христианин полностью выдал себя, когда связал воедино «своеобразные доктрины секты *Ахмадийя*» и «резкое отрицание учения христиан». Ложные учения церкви о троице, о сыновстве Бога и об искуплении настолько категорически и однозначно отвергаются в самом Коране, что никакому комментатору особой «резкости» тут не нужно. То, что оскорбило христианского миссионера, и то, что называет он своеобразными доктринами секты *Ахмадийя*, есть попросту выражение мнения, согласно которому Иисус Христос не вознёсся телесно на небо и не продолжает там жить, но умер обычной смертью — подобно тому, как умерли все остальные пророки. Нету в исламской религии ни единого теоретического вопроса, по которому бы точка зрения, предполагаемая

нашим переводом, не совпадала бы с соответствующим взглядом наиболее ортодоксального характера. Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я позволю себе внести в этот вопрос некоторую ясность с помощью цитаты из рецензии м-ра Пиктолла на мою книгу «Исламская религия» (опубликована эта рецензия была в октябрьском номере “Islamic Culture” за 1936-ой год):

«Пожалуй, никто из живущих ныне не сослужил делу ислама службы более долгой и более ценной, чем Маулви Мухаммад Али из Лахора(...). По нашему мнению, данная книга есть наиболее блестящая из его работ. Это описание ислама, созданное знатоком сунны, который разумом своим сознаёт весь позор мусульманского упадка за последние пять столетий, сердцем же питает надежду на возрождение, признаки коего можно ныне встретить повсюду. Ни на волос не отступая — во всем, что касается служения Господу и религиозных обязанностей, — от традиционных воззрений, автор, в то же время, показывает, насколько обширна та область, в которой изменения вполне законны и, может быть, даже желательны, поскольку правила и обряды не основаны там ни на указаниях Корана, ни на велениях Пророка (да будет с ним мир!)».

Пиктолл принадлежал к мусульманам ортодоксальным, а сказанное им о книге «Исламская религия» в полной мере относится и к данному переводу. На ширину волоса не отступает этот перевод от основных учений ислама, и не содержит он чего бы то ни было, противоречащего мнениям великих имамов и высокоучёных *аль-суннат* прошлого. Нельзя отрицать, что разногласия по поводу толкования Священного Корана имели место среди сподвижников Святого Пророка; возникали они и меж великими имамами. Но разногласия эти не имеют ни малейшего отношения к основному в исламском вероучении, т.е. к тому, в чем все мусульмане едины; расхождения возникают по вопросам мелким и второстепенным. Все мусульмане верят в единство Господа и в пророческую миссию Мухаммада. Верят они во всех пророков Божьих и в книги Его. Они верят также и в то, что откровение Господне в совершенстве своё было ниспослано через Пророка Мухаммада и, значит, он есть последний из пророков — *Хатам ал-Набийин* — и не будет пророков после него, а Священный Коран является последним посланием Божьим всему человечеству. В моем переводе и в пояснительных примечаниях непосредственно отражены все эти учения.

Единственным важным вопросом, относительно которого можно было бы сказать, что по нему моё мнение не совпадает с мнением большинства, это вопрос о смерти Иисуса Христа. Но тут с самого начала следует отметить следующее: вера в то, что Иисус пребывает живым где-то на небесах, никогда не считалась в исламе чем-либо существенно важным. Её никогда не относили к числу доктрин исламской веры. До сих пор существуют мусульмане, которые полагают, что все еще живы четыре пророка — Хидр, Идрис, Элиас и Иисус Христос, — но это убеждение не является для мусульман предметом религиозной веры. Многие мусульманские учёные считают такое убеждение — в том, что касается первых трёх, — основанным на преданиях иудеев и не находящим себе подтверждения ни в Священном Коране, ни в хадисах. Никто, тем не менее, не утверждает, что таких учёных нельзя, по этой причине, считать ортодоксальными мусульманами. Почему же, в таком случае, нельзя считать ортодоксальным этот перевод? Ведь в нём утверждается то же самое — лишь применительно к Иисусу Христу, к уверенности в том, что он пребывает в живых. Могу обратить внимание читателя и ещё на один факт. В наше время мусульманские ученые разных стран мира (большинство, если не все они) убеждены в том, что Иисус Христос умер, — подобно тому, как умерли другие пророки. В числе тех, кто высказывал это убеждение, следует назвать знаменитого Муфти Мухаммада Абду-ху и Саида Рашида Рада из Египта.

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я приведу ещё два ортодоксальных воззрения на данный перевод. Маулана Абд аль-Маджиб Дарибади, издатель “Such” (Лакноу), чье мнение — и это общепризнано — играет ведущую роль в среде мусульман-ортодоксов, писал 25-го июня 1943-го года:

«Отрицать превосходное качество перевода, выполненного Маулви Мухаммадом Али, отрицать оказанное им влияние или ту роль, которую может он сыграть в деле обращения в веру истинную, — это то же, что отрицать свет солнца. Перевод этот, вне всякого сомнения, помог

---

тысячам немусульман прийти к исламу, сотням же тысяч неверующих дал он возможность приблизиться к мусульманской вере, сделать шаг по направлению к ней. Я лично с радостью признаю, что перевод этот был одной из немногих книг, которые, лет пятнадцать-шестнадцать назад, когда брёл я, обуреваемый сомнениями, во тьме неверия, привлекли меня к исламу. Даже Маулана Мухаммад Али из “Comrade” был в восторге от этого перевода и отзывался о нём не иначе как с похвалою».

Таковы взгляды не одного даже, но двух великих лидеров ортодоксального ислама. Я приведу дополнительно мнение одного лишь ещё вождя мусульман-ортодоксов — для того, чтобы читатель мог убедиться, что совершенно неосновательны (являющиеся, в сущности, лживою пропагандой) домыслы тех, кто мой перевод характеризует как насыщенный неортодоксальными или еретическими воззрениями. Высказано это мнение было в газете “Wakil”, выходившей на языке урду в Амритсаре; и издатель, и владелец этой газеты были ортодоксальными мусульманами. Вот что сказано о первом издании моего перевода в опубликованной газетой рецензии:

«Проделав критический анализ перевода, мы, безо всяких колебаний, утверждаем, что простоте его языка, равно как и верности оригиналу, можно лишь позавидовать. Комментарии к тексту совершенно беспристрастны, в них нету и следа влияния сектантской идеологии; автору их удалось собрать воедино сокровища истинно мусульманского богословия. Продемонстрировал он также весьма искусное умение разумно пользоваться новыми видами оружия, предназначенного для обороны от нападков противников ислама».

Выше уже было отмечено, что повсюду в тексте этого перевода делал я ссылки на авторитетные источники там, где мнение моё не совпадало с мнениями переводивших или комментировавших Священную Книгу ранее; то же относится и к случаям расхождения моего во мнениях с мусульманами, придерживающимися взглядов, которые, несмотря на широкое своё распространение, не находят подтверждения ни в самом Коране, ни в подлинных хадисах Пророка. В новом, переработанном издании это акцентировано сильнее даже, чем в предыдущем. Что касается собранных хадисов, то сейчас я даю точные ссылок, указывая как книгу, так и главу; таких ссылок в первом издании недоставало. Кроме того, я вообще куда чаще, чем в прежнем издании, прибегаю теперь к текстам заслуживающих доверия хадисов, в которых содержатся объяснения Корана; особое значение придаётся при этом Бухари — «*Асахх ал-Кутуб ба да Китаб Аллах*» — самой истинной из книг после Книги Божьей. Лексиконы, при подготовке нового издания перевода, использованы были в значительно больших масштабах, чем ранее, и полный глоссарий, в котором объясняются арабские слова и выражения, приложен теперь к тексту. Расширен был общий указатель, и добавлены были заголовки, соответствующие темам, роль которых в Коране особенно велика.

Порядковые номера сносок те же, что и в первом издании, хотя во многие примечания внесены были изменения, а некоторые из разъяснений изменены были полностью. Добавлены многие новые примечания; они получили новые номера. В первой главе, к примеру, появились две сноски, которых не существовало раньше, — и им были даны номера 8а и 8б, поскольку следуют они за примечанием номер 8. Вводные замечания к каждой главе были сохранены, ибо речь в них идёт о главном в содержании этой главы, а также о природе взаимосвязи между разделами, из которых состоит глава, равно как и о характере связи между самими главами; краткое же содержание разделов сведено теперь к перечню их, приводимому в оглавлении. Резюме составляющих тот или иной раздел стихов, содержавшееся в начале этого раздела, в настоящем издании опущено, а взаимосвязь между стихами отмечается — если есть такая необходимость — в подстрочных примечаниях. Пояснения на полях, характеризующие первое издание, оказались излишними, т.к. теперь все толкования, не совпадающие с нашими, равно как и перекрёстные ссылки — там, где они нужны, — приводятся в сносках. Что же до самого перевода, то я попытался упростить его, продолжая, однако, придерживаться принятого в первом издании принципа точной передачи арабского текста.

Изменения коснулись также и тех тем, что обсуждались в предисловии к первому изданию (теперь они рассматриваются во Введении). Важность вопросов, связанных

---

с чистотою коранического текста, настолько велика (ведь тут идёт речь о составе и о композиции Священной Книги), что мы предпочли сохранить — с некоторыми изменениями — рассуждения, освещающие соответствующую проблематику. С другой стороны, краткое изложение учения ислама мы предпочли опустить, поскольку теперь эта наша работа, опубликованная под названием «Ислам, религия человечества» и распространяемая бесплатно в самых широких масштабах, стала общедоступна. То же относится и к подробному описанию установлений, существующих в исламе относительно молитвы, — его можно теперь найти в форме отдельного издания, так что из Введения было это описание исключено. Вместо снятых тем, предметами обсуждения стали другие, новые и важные; надеюсь, это поможет читателю лучше понять сам Священный Коран.

МУХАММАД АЛИ

Маслим Таун  
Лахор (Пакистан),  
18 января 1951 г.